

Любовь Подарок

Читайте в серии «Любовь в подарок»:

Мария Воронова «Апельсиновый сок»

Мария Воронова «Любовь в режиме ожидания»

Татьяна Алюшина «Белоснежный роман»

Татьяна Алюшина «Будьте моей семьей»

Татьяна Алюшина «Счастье любит тишину»

Сара Джио «Ежевичная зима»

Сара Джио «Фиалки в марте»

Татьяна Корсакова «Снежить»

Татьяна Корсакова «Старинный орнамент везения»

Вера Колочкова «Давай придумаем любовь»

Вера Колочкова «Зимняя рябина»

Елена Ронина «Завтра были письма»

Татьяна Тронина «Странная пара»

Эмили Стоун «Всегда в декабре»

САРА ДЖИО

ФИАЛКИ В
МАРТЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д41

Sarah Jio

THE VIOLETS OF MARCH

Copyright © Sarah Jio, 2011

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Инессы Метлицкой*
Художественное оформление *Дарьи Васильченко*
Иллюстрация на обложке *Катерины Киланянц*

Джио, Сара.
Д41 Фиалки в марте / Сара Джио ; [перевод с английского И. Метлицкой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191106-5

В жизни Эмили Уилсон, некогда самой счастливой девушки Нью-Йорка, наступает темная полоса. Творческий кризис, прохладные отношения с родными, а затем и измена мужа вынуждают Эмили уехать из мегаполиса и отправиться на остров Бейнбридж к своей двоюродной бабушке Би, в дом, рядом с которым растут дикие фиалки, а океан пенится прямо у крыльца.

На острове Эмили знакомится с харизматичным Джеком, который рассказывает ей забавную историю о том, как ему не разрешали в детстве подходить слишком близко к ее дому. Но, кажется, Би не слишком довольна их знакомством... Эмили не получает от нее никаких объяснений, но вскоре находит датированный 1943 годом дневник некой Эстер Джонсон, чьи записи проливают свет на странное поведение местных жителей и меняют взгляд Эмили на остров, который она любила.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-191106-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Моим бабушкам,
Антуанетте Митчелл
и покойной Сесилии Фэйрчайлд,
которые воспитали
во мне любовь к искусству
и писательскому ремеслу,
а также интерес к сороковым годам
двадцатого века.

Растопит снега сила мартовских вод,
И в сердце твоём истончится весь лёд.
Антониу Карлус Жобим
«Воды марта»

Глава 1

— Ну вот и все, — сказал Джоэл.

Он стоял, прислонившись к косяку входной двери и блуждая взглядом по комнате, словно пытался запомнить во всех подробностях нашу нью-йоркскую двухуровневую квартиру в доме начала прошлого столетия, которую мы купили пять лет назад и отремонтировали. Счастливое было время! Вид жилища впечатлял — изящная арка входа, старинная каминная полка, сокровище, которое мы отыскали в одном из антикварных магазинов Коннектикута и бережно привезли домой, великолепие стен в столовой. Мы долго не могли решить, какой цвет выбрать, и наконец остановились на кирпично-красном — резковатом и вызывающем смутное томление оттенке, слегка похожем на нашу семейную жизнь. Когда стены покрасили, муж счел их слишком оранжевыми, а мне понравилось.

Наши глаза на секунду встретились. Я быстро опустила взгляд на рулончик скотча, машинально

отмотала полоску и торопливо наклеила на последнюю коробку с вещами Джоэла — тем утром он приехал за ними. Вдруг я вспомнила, что в последней, ныне уже запечатанной коробке мелькнул голубой кожаный переплет, и сурово посмотрела на бывшего мужа.

— Погоди-ка, ты взял «Годы милосердия»? Это моя книга!

Я прочитала ее шесть лет назад, во время медового месяца на Таити, однако дело не в том, что мне захотелось сохранить потрепанный томик в память о нашем путешествии. Не знаю, как роман, за который в тысяча девятьсот тридцать первом году покойная Маргарет Эйер Барнс получила Пулитцеровскую премию, оказался в пыльной стопке ничейных книг в вестибюле гостиницы, но когда я достала его из ящика и открыла, мое сердце дрогнуло. Трогательная история о любви, потере, смирении, тайных страстях и бремени подспудных мыслей навсегда изменила мое отношение к собственной писанине. Возможно, именно поэтому я перестала писать. Джоэл так и не прочел этот роман, чему я только радовалась. Он стал для меня слишком личным, чтобы делить его с кем-либо, моим ненаписанным дневником.

Джоэл молча глядел, как я, отодрав скотч, рылась в коробке, пока не нашла старую книгу, потом устало вздохнул.

— Извини, я не знал, что ты...

Он вообще много чего обо мне не знал.

Я кивнула, не выпуская из рук книгу, заново заклеила коробку скотчем и выпрямилась.

— Вот теперь все.

Джоэл настороженно посмотрел на меня, и наши взгляды встретились. Он по-прежнему мой муж, подумала я, по крайней мере, до тех пор, пока мы не подпишем документы о разводе. До чего же больно глядеть в темно-карие глаза и знать, что человек, за которого я вышла замуж, бросает меня ради другой женщины! И как это нас угораздило?

Наше расставание в миллионный раз промелькнуло перед моим мысленным взором, словно сцена из мелодрамы. Все произошло в понедельник, дождливым ноябрьским утром. Я готовила яичницу-болтунию с соусом «табаско», любимое блюдо Джоэла, когда он рассказал мне о Стефани. Как с ней весело. Как она его понимает. Как они совпадают. Я содрогнулась, представив две сцепленные вместе детали от конструктора «Лего». Забавно, вспоминая тот день, я всегда чувствую запах подгорелой яичницы и «табаско». Если бы знала, что так будет пахнуть моя разбитая семейная жизнь, напекла бы блинчиков.

Я еще раз посмотрела Джоэлу в глаза, такие печальные и растерянные. Похоже, если я брошусь ему на шею, он, осознав свою вину, обнимет меня, останется, и наш брак уцелеет. Нет, сказала я себе. Уже ничего не исправить.

— До свидания, Джоэл.

Может, в сердце еще теплилась надежда, но разум был непреклонен: пусть уходит.

— Эмили, я... — с несчастным видом начал Джоэл.

Чего он хочет? Прощения? Еще один шанс? Кто знает. Я собралась с силами и подняла руку, не дав ему продолжить.

— До свидания.

Джоэл мрачно кивнул, пошел к двери, осторожно прикрыл ее за собой и запер снаружи. Мое сердце сжалось. Он все еще заботится... По крайней мере, о моей безопасности. Я тряхнула головой, подумав, что надо бы сменить замки, и вслушивалась в удаляющиеся шаги Джоэла, пока их не заглушил уличный шум.

Зазвонил телефон, я встала и вдруг поняла, что все это время сидела на полу, увлеченно читая «Годы милосердия». Сколько я так просидела? Минуту? Час?

— Так ты придешь? Ты обещала не подписывать документы о разводе одна! — раздался голос моей лучшей подруги Аннабель.

Плохо понимая, что происходит, я посмотрела на часы, нашарила в сумочке ключи и наводящий ужас конверт из плотной бумаги. Мы с Анни должны были встретиться сорок пять минут назад.

— Прости, уже бегу!

— Отлично, я закажу тебе выпить.

Ресторанчик «Калюмет», где мы любим обедать,

всего в четырех кварталах от моего дома, и уже через десять минут Анни меня обняла.

— Есть хочешь? — спросила она, когда мы сели за столик.

— Нет, — вздохнула я.

Аннабель нахмурилась.

— Углеводы, вот что тебе нужно, — изрекла она, протягивая мне корзинку с хлебом. — Так, где документы?

Положив конверт на стол, я уставилась на него опасливым взглядом, приберегаемым обычно для чего-нибудь вроде динамита.

— Ты же понимаешь, что сама во всем виновата, — слегка улыбнулась подруга.

— С чего бы это? — сердито осведомилась я.

— Нельзя выходить за человека по имени Джоэл. — В голосе Аннабель явно слышались неодобрительные нотки. — Встречайся с Джоэлами сколько хочешь, пусть они покупают тебе выпивку и симпатичные мелочи от Тиффани, но никакой свадьбы.

Аннабель пишет диссертацию по социальной антропологии. За два года исследований она изучила браки и разводы с весьма необычной стороны. Согласно ее изысканиям, успешная семейная жизнь зависит исключительно от имени супруга. Выйдешь за Илая, и семейное счастье продлится примерно двенадцать лет с третью. Брэд? Шесть лет и четыре десятых года. Стив не выдержит дольше четырех, и, как искренне убеждена Аннабель, ни в коем случае нельзя вступать в брак с Престоном.

— Напомни, что говорит статистика о Джоэлах?

— Семь целых две десятых, — деловито сообщила подруга.

Я кивнула. Мы с Джоэлом были женаты шесть лет и две недели.

— Тебе нужно найти Трента.

— Терпеть не могу это имя! — недовольно нахмурилась я.

— Ладно, тогда ищи Эдуарда или Билла... нет, лучше Брюса. Эти имена гарантируют долгое супружество.

— Прекрасно, может, сводишь меня в дом престарелых, чтобы определиться с выбором?

Аннабель — высокая, стройная и красивая шатенка в стиле Джулии Робертс: с длинными волнистыми волосами, белой, словно фарфоровой, кожей и выразительными темными глазами. Ей тридцать три, но она ни разу не была замужем. По словам Анни, всему виной джаз — не нашлось ни одного мужчины, кто смог разделить ее любовь к Майлзу Дэвису и Херби Хэнкоку¹.

Аннабель махнула официанту и попросила принести еще два мартини. Официант забрал мой пу-

¹ Майлз Дэвис (*Miles Davis*), 26.05.1925—28.09.1991, — американский трубач и композитор, оказавший значительное влияние на развитие музыки XX века. Херби Хэнкок (*Herbie Hancock*), род. 12.04.1940, — американский пианист и композитор, обладатель 14 премий «Грэмми», один из крупнейших представителей современно-го джаза в последние десятилетия XX века.

стой бокал, оставив на конверте мокрое пятно в виде круга.

— Пора, — мягко произнесла подруга.

Дрожащими руками я вытащила из конверта пачку бумаг в полдюйма толщиной. На трех страницах розовели яркие стикеры: мой адвокат отметил, где нужно подписывать. У меня перехватило горло, когда я достала из сумочки ручку и поставила свое имя на всех трех страницах. Эмили Уилсон, с удлиненной буквой «и» и отчетливой «н» — так я подписываюсь еще со школы. Нацарапала дату, 28 февраля 2005 года, день, когда наш брак прекратил существование.

— Хорошая девочка, — похвалила Анни, подвигая ко мне мартини. — Ну что, напишешь про Джоэла?

Она, как и все остальные мои знакомые, считала, что раз уж я писательница, то лучшей местью Джоэлу был бы роман с завуалированным описанием наших взаимоотношений.

— Закрути вокруг него все действие, только поменяй имя. Назови его, скажем, Джо и сделай полным придурком.

Она хихикнула, чуть не подавившись.

— Нет, придурком с эректильной дисфункцией.

Увы, даже если бы я и захотела отомстить Джоэлу и написать про него роман, ничего бы толком не вышло. В редких случаях, когда мне удавалось выразить свои мысли на бумаге, вся писанина получалась на редкость заурядной. И это чистая правда,

потому что последние восемь лет я каждый день са-дилась за письменный стол и тупо глядела в пустой экран монитора. Иногда я вымучивала хорошую строчку или пару страниц, но дальше дело не шло. Застревала намертво. Мой психотерапевт Бонни назвала это состояние клиническим писательским кризисом. Моя муза заболела, и прогноз выглядел неутешительно.

Восемь лет назад я написала роман-бестселлер. Тогда я была на вершине счастья. Стройная — не то чтобы сейчас я растолстела (ну ладно, может, совсем чуть-чуть, в бедрах)! — и в списке лучших книг по версии «Нью-Йорк таймс». Если бы у этой газеты существовал список лучших жизней, туда бы я тоже попала.

Когда вышла моя книга «Призвание Али Ларсон», агент убедила меня взяться за продолжение. «Читатели хотят знать, что будет дальше!» — говорила она. А издатель предложил удвоить аванс за вторую книгу. К сожалению, как я ни старалась, ничего не получалось. Мне было нечего сказать. Со временем агент перестала звонить, издатели уже не интересовались, а читатели устали ждать. О том, что прошлая жизнь была не вымыслом, свидетельствовали только чеки на выплату авторских — время от времени я находила их в почте, да письмо от слегка чокнутого читателя по имени Лестер Маккейн, который влюбился в Али, главную героиню моей книги.

Банкет в честь выхода романа устроили в отеле

«Мэдисон-парк», и я до сих пор помню то чувство небывалого подъема, когда ко мне подошел Джоэл. Он был на фуршете в соседнем зале и увидел меня в дверях. На мне тогда было потрясающее черное платье-бюстье от Бетси Джонсон, последний крик моды. Я потратила на него кучу денег, но оно того стоило.

Джоэл сразу взял быка за рога и сказал, что я великолепно выгляжу, и только потом представился. Помню, как мне польстили его слова. Я могла бы предположить, что он всегда так знакомится с девушками, и, скорее всего, оказалась бы права, но тогда было очень приятно.

За несколько месяцев до этого журнал «Джикью» напечатал на целый разворот список самых завидных женихов Америки — нет, не тот, в котором каждые два года фигурирует Джордж Клуни, а список, куда входят обыкновенные люди, например, зубной врач из Пенсильвании, учитель из Детройта и, да, юрист из Нью-Йорка, Джоэл. Он попал в первую десятку. И я его подцепила. А теперь вот потеряла.

— Эмили, очнись!

Аннабель махала рукой перед моим лицом. Я вздрогнула, пришла в себя и покачала головой.

— Ой, извини. Нет, только не о Джоэле. — Я сложила бумаги в конверт и сунула в сумку. — Это будет совсем другая история, не похожая на то, что я делала раньше. Если, конечно, я вновь начну писать.